

7. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

УДК

94(470/571):378

ББК ТЗ(2)р

ГСНТИ 14.25.09

Код ВАК 13.00.02

К.И. Зубков

Екатеринбург

**РОССИЙСКАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ В ВУЗОВСКИХ
УЧЕБНИКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ:
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ
И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учебник, Россия, отечественная история, историография, современная история, темпоральность, периодизация.

АННОТАЦИЯ. На основе анализа современных вузовских учебников отечественной истории и крупных исторических трудов статья рассматривает комплекс методологических проблем, связанных с содержательными характеристиками и хронологическими рамками современного периода истории России, соотносит его периодизацию с темпоральной структурой истории, обозначает спорные вопросы осмысления его диалектической связи с российским прошлым и его исторической новизны.

K.I. Zubkov

Yekaterinburg

**RUSSIA'S PRESENT TIMES IN THE UNIVERSITY
TEXTBOOKS ON HOMELAND'S HISTORY:
CHRONOLOGICAL BOUNDS AND CONTENT
MATTERS**

KEY WORDS: textbook, Russia, homeland's history, historiography, contemporary history, temporality, division into periods

ABSTRACT. On the basis of analyzing current university textbooks on homeland's history and major historical works, the article examines a set of methodological problems concerned with the content characteristics and chronological bounds of the present times' period of Russia's history, bringing it into the correlation with temporal frames of historical process and signifying the debated issues in comprehending its dialectical relations with the Russian past and historical novelty.

Современный период истории России представляется одним из наиболее сложных и наименее концептуально разработанных в вузовских учебниках отечественной истории – как, впрочем, и в целом в новейшей российской историографии. Разберем подробнее, в чем заключаются наиболее характерные методологические трудности с выделением и осмыслением этого важнейшего переломного периода истории России.

С известным основанием можно говорить о том, что отечественные историки как будто уже пришли к определенному консенсусу относительно хронологических границ и проблемно-логических критериев выделения современного периода истории России. Период этот, фиксируемый достаточно строго, посредством хронологической шкалы (с 1985 по настоящее время, т.е. время написания того или иного учебника) или менее определено, но с известной опорой на метод качественной оценки («последние годы существования Советского Союза и первые годы Российской Федерации»(12); период «от кризиса коммунизма до становления новой России» (9); период «глубоких социальных и политических изменений», в ходе которых проявилась сложная диалектика «кризиса и реформ» (4. С. 9); период «кризиса тоталитарного режима», «постсоциалистической трансформации» и «рыночных реформ» (5. С. 766), во всех отношениях видится как целостный, качественно определенный, интегрируемый внутренней логикой своего развития. Р.Г. Пихоя и А.К. Соколов, отталкиваясь от распространенной на Западе схемы периодизации истории, определяют его как период «современной истории», имеющей своим английским эквивалентом понятие «current history» (12. С. 3). Это определение, однако, представляется не вполне корректным, поскольку английское понятие «current» (от *лат.* *currere* – течь) имеет очень узкий временной горизонт или вообще не имеет такового: это то, что происходит или существует *сейчас*, в данный момент времени (14. Р. 341). Известный американский журнал «Current History», например, позиционирует себя как издание, нацеленное исключительно на мониторинг текущих событий международной жизни – *текущей истории*, фактически, неотделимой от настоящего. Поэтому

темпоральной характеристикой рассматриваемого периода было бы все-таки правильнее избрать другой, более протяженный во времени, эквивалент понятия «современный» – contemporary, который вышеназванные авторы отождествляют с «новейшей историей». Как «новейшее время» обозначают современный период истории СССР/России (с 1985 г.) и авторы учебника отечественной истории, подготовленного в Российском государственном гуманитарном университете под редакцией проф. А.Б. Безбородова (9). Эта характеристика периода, в свою очередь, создает определенные сложности с хронологическим различием *современного периода* российской истории и не имевшего раньше верхней хронологической грани *советского периода* (начиная с 1917 г.), который в некоторых случаях и сейчас определяется как «новейшее время» (7). Очевидна, однако, относительность последнего понятия: «новейшим» может, в принципе, называться любой незавершенный период, открытый настоящему.

Сразу необходимо отметить, что типичное для отечественных историков понимание принципов *периодизации* во многом не согласуется с той ее схемой, которая столь же распространена и привычна для их западных коллег. Если в сознании российского историка, как правило, доминирует представление о *периодах истории* как о последовательно сменяющих друг друга и однородных с точки зрения темпоральной структуры *отрезках времени* (что, видимо, обусловлено длительным воздействием марксизма с его «пятичленной» схемой всемирно-исторического процесса), то используемые на Западе для обозначения *современного периода* истории понятия «current», «contemporary», «modern» отнюдь не могут служить обозначением последовательно сменяющих друг друга периодов истории. Различение этих понятий, соотносящихся друг с другом по принципу концентрических кругов, определяется, прежде всего, *глубиной ретроспекции*, осуществляемой из *настоящего* времени (как «осевой» позиции), и релевантным этой глубине *историческим содержанием*. В этом отношении понятие «modern history» характеризует современную историю преимущественно как историю зарождения, развития и, возможно, заката *современной*

цивилизации с присущими ей типом мышления и мировосприятия, институциональными, технико-технологическими, экономическими и экологическими *параметрами* (отсюда и этимология понятия «modern», восходящая к *лат. modus* – мера, способ). Отсюда в западной историографической традиции эпоха «modern history» хронологически определяется более или менее четко: это вся история человечества с середины XV в. до наших дней (16. Р.1336). Это, по масштабу времени и структурным свойствам, скорее *эпоха*, чем период. «Contemporary history» – это история «короткого» XX века с его неузнаваемо измененными Первой мировой войной и присущими только ему особенностями экономических, политических и социальных *процессов*. Вполне понятно, что при этом «contemporary history» большей своей частью продолжает мыслиться нами в границах *эпохи модернити*. Тогда «current history» можно отождествить с диапазоном ближайших к нашему времени, почти неотделимых от настоящего (если не текущих, то, безусловно, «вчерашних») явлений истории – скорее *событий*, чем процессов.

Здесь обнаруживается если не полное совпадение, то очевидная аналогия с той *структурной концепцией социального времени*, которая была предложена в свое время одним из корифеев школы «Анналов», французским историком Фернаном Броделем. Он, как известно, выделял три категории событий и процессов, соотнося их с *темпами исторических изменений*, наблюдаемых в различных сферах человеческой жизни: инерционные в силу неизменного циклического воспроизводства «события большой длительности»; реализующиеся в виде экономико-демографических и технологических трендов «события средней длительности» (или «история структур»); и определяемые последствиями индивидуальных, *одноактных* политических действий, регистрирующие малейшие перемены «события краткой длительности» (1. С. 20–21). Очевидно, что все три категории событий *разнокачественны по содержанию* и требуют для своего исследования *разной глубины ретроспекции*.

Отсюда мы можем сделать, по крайней мере, два предварительных вывода:

1) Вопрос о месте *современной российской истории* в темпоральной структуре исторического процесса не представляется в настоящее время окончательно разрешенным. В самом деле, остается далеко не ясным, с какой категорией темпоральности – «modern history», «contemporary history» или «current history» – мы должны связывать *основное содержание* современной истории России и какую *глубину ретроспекции* (а, следовательно, и хронологические границы) предложить для ее исследования. Проиллюстрируем это только одним примером.

Принцип континуитета, выражающий идею *непрерывности* исторического развития, и принцип историзма, раскрывающий содержание настоящего через его преемственную связь с прошлым, непреложно требуют от историка обращения к исследованию предпосылок и причин каждого исторического события – как ближайших, непосредственных, так и весьма отдаленных во времени. При попытках каузального объяснения крупных революционных изменений, общественных переворотов – таких, какой имел место в России в 1991 г., всякий историк тем более будет поставлен перед такой задачей. И, конечно, выделяя современную историю как целостный в своем содержании период, логично будет объединить в его рамках и само свершившееся историческое событие, и его генезис. Не ясно, однако, с какого времени мы можем говорить о *кризисе* советской системы экономики и власти как о комплексной причине революционных изменений 1990-х гг. Когда кризис советской системы принял по-настоящему необратимый и кумулятивный характер, чтобы его можно было рассматривать как непосредственную причину и прелюдию наступившего в 1991 г. коллапса СССР? Р.Г. Пихоя и А.К. Соколов, например, датируют этот системный кризис концом 1970-х гг., в то время как другие авторы отодвигают его в прошлое неопределенно далеко, вообще рассматривая советскую систему, начиная с 1917 г., как систему управления в условиях *перманентного*, все более обостряющегося с каждым крупным историческим шагом кризиса (2. С. 213). Для полноты картины заметим, что есть и полностью альтернативные точки зрения, наоборот, резко сужающие горизонт фатального кризиса советской системы и

подводящие его непосредственно к середине 1980-х гг., объясняя в первую очередь совпадением во времени целого ряда неблагоприятных внешних и внутренних факторов (6. С. 307) – отчего и само падение СССР предстало в форме коллапса, внезапного обрушения всей социально-политической конструкции. Как предельную фокусировку причин краха советского социализма целиком на событиях и обстоятельствах середины 1980-х гг. (причем больше внешних, чем внутренних) можно расценивать различные конспирологические версии, «теории заговора». Одна из наиболее интересных и неплохо документированных версий такого рода была представлена в нашумевшей работе американца Питера Швейцера «Победа» (15), которая подбрасывает сторонникам геополитизации проблемы краха СССР ряд очень сильных аргументов. Очевидно, что различия всех вышеперечисленных позиций касаются не только хронологии системного кризиса СССР, но и его природы; смысловая дистанция между данными точками зрения такая же, как между закономерностью и случайностью.

При определении хронологических границ российской современности можно, пожалуй, указать только на одну точку определенности – верхнюю хронологическую грань современного периода, которой является само настоящее, «наши дни». Хотя сегодня уже налицо историографические новации, стремящиеся «закрыть» трансформационный период уже началом XXI века – как рубежом завершения решающих институциональных реформ (период «бурных перемен», «революционного натиска» и т.п.) и перехода российского общества в русло стабильного развития на полностью обновленных системных основаниях (5. С. 760). Нет нужды говорить о том, что такая постановка вопроса – особенно в свете переживаемых сейчас миром и страной кризисных явлений – явно преждевременна.

2) Исходя из структурной «многослойности» потока исторического времени, необходимо учитывать, что *содержание* современной истории столь же *неоднородно*. В нем можно обнаружить, во-первых, проявления глубоко инерционных, так называемых «вечных» факторов развития, характеризующих уходящее в глубь веков цивилизационное,

геополитическое и ментальное своеобразие России, своего рода неуничтожимый «гештальт» российской архаики. Как справедливо отмечает Г.И. Зверева, необычайный расцвет так называемой «новой» российской *историософии* (от различных реанимированных вариантов «русской идеи» до неоевразийства), претендующей на выявление «вечных» категорий и алгоритмов исторического бытия России как основы ее *самоопределения* в настоящем и будущем, не только выдает поспешные, в ряде случаев облегченные попытки ответить на идеологические и геополитические запросы нынешней государственной власти, но и говорит о серьезном кризисе концептосферы современной исторической науки, ее неспособности адекватно осмыслить особенности и противоречия переживаемого сегодняшней Россией этапа развития, т.е. как раз ее *современной истории* (3. С. 294–295). В связи с этим историков на данном поле начинают активно замещать философы, социологи, культурологи, филологи, что создает при исследовании влияния инерционных факторов исторического развития России определенный дискурсивный перекос в сторону абстрагирующих концептов, призванных не столько *исследовать* современные экономические, политические и социально-культурные реалии, сколько «привести их известному» – к тому или иному метафизическому пониманию «русской судьбы». Не вполне продуктивное влияние этой традиции исследований на историков можно видеть на примере ряда работ, где исторический анализ, фактически, подменен кликушеством по поводу «Святой Руси», мессианизмом самого дурного пошиба (8). Это, конечно, не означает, что отраженные в этой метафизике архаичные пласты российской истории не должны вовсе учитываться в структуре современности. Напротив, ощущается громадная потребность в исследовании того, насколько русское прошлое *присутствует* в российской современности – и в своих внешних формах (традиционализм), и в сущностных, структуральных инвариантах (консерватизм). Но, еще раз подчеркнем, исследовать этот компонент российской современности необходимо методологическими и инструментальными средствами самой исторической науки.

Во-вторых, конечно, необходимо видеть, что российская постсоветская современность в сильнейшей степени – от унаследованных атрибутов геополитической мощи (ядерное оружие, космические исследования, оборонный комплекс и т.п.) и подавляющей части производственного аппарата до стереотипов политической культуры и типичных приемов властвования – является «заложником» советского прошлого. Не требует особых доказательств, что объективно многие тенденции экономического, технологического, демографического и социокультурного развития, характерные для последних десятилетий существования СССР, без значительных изменений продолжают детерминировать и развитие современной России. Если еще больше усложнить формулировку проблемы, то в российской современности необходимо видеть двойное – так сказать, разной дистанции и природы – влияние советского прошлого: с одной стороны, те наиболее цепкие, неуничтожимые деривации советской системы, которые наследуют ее долговременные тренды развития и структурные особенности во всем спектре их позитивных и негативных проявлений, с другой – тенденции, которые являются собственно результатом ее кризиса и распада в период «перестройки» и рыночных реформ начала 1990-х гг. Неспособность или нежелание видеть эти существенные различия могут вести к односторонним, часто взаимоисключающим интерпретациям тех масштабных трансформаций, которые происходили в России в 1990-е гг.: для одних авторов это – прогрессивные революционные преобразования, знаменующие «возвращение рынка и частной собственности» и возобновляющие «прерванный в 1917 г. путь к демократии и свободе» (5. С. 737, 744), для других – прежде всего, социальная катастрофа, «масштабное уничтожение материальной основы промышленности и сельского хозяйства» (4. С. 9), новое издание «смутного времени» (11. С. 359–363). Очевидно, что в этой полярности оценок проявляются не только различия дискурсов, но и определенные, довольно существенные аберрации исторического зрения.

Наконец, в структуре российской современности должен найти свое место и оценку тот пласт событий недавнего

прошлого, который характеризует принципиальную *новизну* исторической ситуации. Столь часто эксплуатируемые современной историографией образы этой новизны – от создания «новой российской государственности» и «новых тенденций политической жизни» (5. С. 738, 757) до рождения «новой России» в целом (12. С. 400, 408) – к сожалению, пока не только не дают внятного ответа на вопрос, сколько в российской современности действительно нового, а сколько – унаследованного от прошлого, но и прикрывают во многом понятный и объяснимый недостаток концептуальной идентификации и качественной оценки этой новой российской действительности. В этом плане весьма интересные недавние дискуссии о том, в каком смысле современный российский капитализм можно считать, действительно, «новым», а в каком – продуктом реставрации «старого», его «возвращением» или, лучше сказать, «вторым пришествием» (хотя бы в рамках цивилизационной или «мир-системной» преемственности) (10; 13), несут в себе много схоластического, но, тем не менее, весьма показательны как одна из многих иллюстраций всей сложности переплетения черт традиционализма и новизны в современной российской истории. Российским историкам предстоит еще многое сделать для того, чтобы внести ясность в понимание специфических черт российской современности, которая способна пролить новый свет и на осмысление всего исторического пути России.

Литература:

1. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1.: Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 495 с.
2. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней: В 3-х кн. Кн. 1. Социализм в одной стране. М.: Изд-во «МИК», 1995. 499 с.
3. Зверева Г.И. Новая российская историософия: риторические стратегии и прагматика // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 292–315.
4. История России XX – начала XXI века / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2007. 960 с.

5. История России с древнейших времен до наших дней: учебник / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 768 с.
6. Кругов М.В. Иная история России. М.: Время, 2008. 428 с.
7. Мухамедина Ш. Отечественная история новейшего времени: учебное пособие. 2-е изд. М.: КДУ, 2006. 236 с.
8. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: «Международные отношения», 2004. 534 с.
9. Отечественная история новейшего времени: 1985–2005 гг.: Учебник / А.Б. Безбородов, Л.М. Дробижева, Н.В. Елисеева и др.; отв. ред. А.Б. Безбородов. М.: РГГУ, 2007. 804 с.
10. Очкина А.В. Два «капитализма» в России: по материалам научной конференции // Мир России. 2009. № 1. С. 164–179.
11. Печенев В.А. «Смутное время» в новейшей истории России (1985–2003): Исторические свидетельства и размышления участника событий. М.: Норма, 2004. 368 с.
12. Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 423 с.
13. Тарасов А.Н. Россия: «второе издание капитализма» // Свободная мысль. 2009. № 1 (1596). С. 31–44.
14. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International Student Edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd., 2006. 1692 pp.
15. Schweizer, Peter. Victory: The Reagan Administration's Secret Strategy That Hastened the Collapse of the Soviet Union. N.Y.: Atlantic Monthly, 1994 – xx, 284 pp.
16. The World Book Dictionary. – Volume two L–Z / Ed. by Robert K. Barnhart. Chicago, L.; Sydney; Toronto, 1996. 2554 pp.